

2. Бронгулеев В. В. «Посредине странствия земного...». Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилёва. 1886 – 1913 гг. М. : Мысль, 1995.

3. Гумилёв без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009.

4. Гумилёв Н.С. Из письма В.Е. Арэнс, 1 июля 1908 г. // Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких / В.К. Лукницкая. Л. : Лениздат, 1990.

5. Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилёва. М. : Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1992.

6. Давидсон А.Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск : Русич, 2001.

7. Зобнин Ю.В. Казнь Николая Гумилёва. Разгадка трагедии. М. : Яуза: Эксмо, 2010.

8. Иванов Г.В. О Гумилёве // Николай Гумилёв глазами сына / О.Н. Высотский; сост. Г.Н. Красникова, В.П. Крейда; авт. предисл. Г.Н. Красников; авт. коммент. В.П. Крейд. М. : Мол. гвардия, 2004.

9. Мирошкин А. Смерть Н. С. Гумилёва как литературный факт // Николай Гумилёв: электрон. собр. соч. URL : <http://gumilev.ru/biography/22>.

10. Павловский А.И. И терн сопутствует венцу... // Капитаны / Н.С. Гумилев. Н. Новгород, 1991.

11. Паздников П.В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилёва : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Нерюнгри, 2003.

12. Подковальникова А.С. Литературно-эстетические взгляды Н.С. Гумилёва : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ростов н/Д., 2001.

13. Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилёва : дис.... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008.

14. Чуковский К.И. Воспоминания о Н.С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991.

15. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М. : Высш. шк., 2005.

Specificity of mythologem hierarchy in the biography myth of N.S. Gumilev

There are sorted out the key mythologems, which are included into Gumilev's biography myth. There is traced the flexibility of the hierarchical structure of multi-component Gumilev's mythological image. There is stated the conditionality of dominating of some mythologem by an event-trigger context. Legend formation about the shooting of N.S. Gumilev is regarded as extrapolation of the biography myth in the vein given by myth canon pressure.

Key words: *Gumilev, myth, mythologization, mythologem, biographical, interpretation.*

С.А. КОЛЕСНИКОВ
(Белгород)

ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ОСМЫСЛЕНИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Представлены основные положения концепции личности Андрея Белого в построениях В.Ф. Ходасевича. В основание его концептуальной позиции в оценках личности А. Белого положен оригинальный методический принцип, обозначаемый как «эмпатический», т. е. предполагающий максимальное сближение экзистенциального опыта позиции биографа и исследуемого писателя.

Ключевые слова: *А. Белый, В. Ходасевич, символизм, Серебряный век.*

Раскрыть сложную диалектику культуры Серебряного века, процессы, формирующие неповторимое своеобразие эпохи рубежа веков, невозможно без понимания причудливо переплетающихся траекторий личностных концепций, создающих атмосферу «жизненного мира» того времени. Трансформации, происходящие с эпохой эсхатологических «страхов и ужасов» (О. Шпенглер), напрямую соотносятся с преобладающими в сознании русского общества стратегиями взаимоотношений личности и реальности. Именно концептуальное видение личности может стать тем уникальным ориентиром, который позволит найти культуро- и литературообразующие доминанты, сводящие в единую синтетическую целостность то «вывихнутое время» (К.А. Свасьян). И здесь на первый план выходят стремления деятелей культуры рубежа XIX–XX вв. создать концептуальные парадигмы, дающие продуктивные системы ценностей и основанные на личностном анализе.

Представляется, что особый вклад в осмысление эпохи с позиции личностного подхода внес В.Ф. Ходасевич, создавший комплексную концепцию творческой личности на основе пронизательного изучения векторов биографий современников. Одним из важнейших результатов мемуарно-исторической деятельности В.Ф. Ходасевича можно считать построение «собственной иерархии русских писателей», в которой одним из главных структурообразующих принципов являлись «роль и

значение религиозно-идеологических моментов в их жизни и творчестве» [25, с. 21].

К числу наиболее эффективных биографических проектов В.Ф. Ходасевича по созданию концептуального видения творческой личности в условиях культуры Серебряного века можно отнести его концепцию личности Андрея Белого. Для того чтобы сделать более рельефными концептуальные построения В.Ф. Ходасевича, необходимо проследить рецептивную линию, отражающую специфику восприятия эпохой личностных траекторий А. Белого и В.Ф. Ходасевича (о некоторых моментах сопоставления творческих парадигм А. Белинского и В.Ф. Ходасевича см. [5, с. 596; 6, с. 513; 14, с. 130–143; 24]).

Одной из доминант в концепции эмпатической личности Андрея Белого В.Ф. Ходасевич считал уникальность его положения в русской литературе. За этим, казалось бы, «общим местом», – все то же «...повлиял как никто из людей, которых я знал» – скрыта концептуальная идея, которая затем была более рельефно определена М.М. Бахтиным, обозначившим «эстетическую ценность личности незаменимостью ее положения в мире» [3, с. 31]. В.Ф. Ходасевич, отвечая на «коварный вопрос» о возможностях русской поэзии, одним из главных опасных моментов для перспектив развития эмигрантской литературы обозначил именно «симулирование», «клонность»: «Беда в том, что многие пишут “под”. Свои стихи писать трудно и есть громадный соблазн и легкость – дописывать чужие...». Белый для Ходасевича – неповторим: неповторим даже в своих метаниях, раскачиваниях на «трапециях сознания» (Ф. Степун) [20, с. 160–186], своей двуличностью, из которой «мог извлекать выгоду», своими капризами и фобиями.

В парадоксальной двойственности Андрея Белого проявлялась еще одна линия, вдоль которой выстроил свою концепцию В.Ф. Ходасевич: цельность личности. На первый взгляд, одно из самых частых обвинений в адрес Андрея Белого, летящих в него из самых различных политических и литературных лагерей, – отсутствие цельности его личности. Не случайно Ф. Степун создаст целую теорию «двух Белых» [16, с. 44–53]. Однако В.Ф. Ходасевич, выстраивая концепцию личности Белого, предложил увидеть в его двуличности, изменчивости и «изменности», в его «косноязычии» (Ю. Лотман) некую сверх-цельность, возвышающуюся над «слишком человечески-

ми» индикаторами целостности. Л.А. Колобаева правомерно отмечает, что «единство личности поддерживается единством ценностных ориентиров» [12, с. 19].

Говоря о своеобразной целостности А. Белого, В.Ф. Ходасевич раскрывал и собственное понимание концептуального единства. «Биограф, – писал А. Рейтблат, – реконструируя жизнь своего персонажа, создавая ему биографию, идентифицируется с ним, “собирает” тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности, придает своей жизни смысл» [17, с. 4]. Именно единство ценностных ориентиров и Андрея Белого, и Владислава Ходасевича дает возможность последнему настаивать на целостности личности Белого, правда, особой целостности, уникального единства, понимание сущности которого можно терминологически приблизить к утверждению М. М. Бахтина о том, что «само слово “единство” должно было бы оставить <...> не единство, а единственность себя, нигде не повторяющегося целого и его действительности» [2, с. 110]. Общие ценности сознания, аксиологические ориентиры и, главное, близкий духовно-экзистенциальный опыт – вот что объединяет Белого и Ходасевича, позволяет Ходасевичу дать глубокую и своеобразную оценку личности автора «Серебряного голубя» и «Петербурга». В эмпатической методике проявилось одно из важнейших качеств В.Ф. Ходасевича как пронизательного исследователя эпохи – «поэтический слух» [22, с. 14], позволяющий ему интуитивно обнаружить «родственность» мировоззрений, будь это Г. Р. Державин или А. Белый.

Пройдя разные этапы во взаимоотношениях с А. Белым, В.Ф. Ходасевич обретает уникальный опыт понимания сложности «устройства» его личности. Метафорически можно обозначить эту методику внутреннего понимания как ощущение общей принадлежности к единой «линии жизни», в том биографическом понимании, которое вкладывал это понятие еще А.И. Герцен: «Линия моей жизни встречалась с линиями, по которым шли люди» [9, с. 7]. Пройдя значительный биографический путь с А. Белым по одной аксиологической «траектории», В.Ф. Ходасевич мог, как мало кто из современников, дать масштабный литературный портрет А. Белого. В методике эмпатического (теоретические аспекты принципа эмпатийного биографирования см., напр., [18]) со-переживания [11] В.Ф. Ходасе-

вича открывается еще один аспект его «традиционализма», обычно не акцентируемый исследователями: в своей биографике он идет по пути, начатому еще М.Ю. Лермонтовым, который, как говорил Ю. Лотман, «приобщался болезни своего поколения», и только после этого поэт способен проникнуть в души других людей [15]. Можно утверждать, что В.Ф. Ходасевич был одним из первых, кто в Серебряном веке акцентировал внимание (при этом используя эмпатическую методологию) на феномене Андрея Белого как явления, композиционно сложном, противоречивом, но творчески синтезирующем литературные и биографические аспекты.

Немаловажный аспект, связанный с биографологическим «новаторством» В.Ф. Ходасевича, – практическое применение тех теоретических принципов, которые были сформулированы Г.О. Винокуром. «Биография, – утверждал ученый, – в противовес обычному пониманию есть проблема не психологическая, а культурно-историческая, и имеет своим предметом историю индивидуальной жизни личности, включая в поле своего изучения все признаки (интеллектуальные, психические, психофизические и т.п.), с которыми личность вообще дана в истории культуры» [8, с. 11]. Таким образом, предметом биографии является «история личной жизни» (Там же, с. 36). «Личная жизнь... – пояснял Винокур, – это не психология или физиология, не сфера подсознательных представлений или биологическая конституция, а только то единство, неразрывное и всегда присутствующее, в каком вся эта мешанина наблюдений, фактов и догадок, вместе со всеми иными возможными, дана нам в истории» (Там же, с. 27). Метод «пропускания» ино-биографии через себя, обнаружение конгруэнтности душевного опыта своей и чужой биографий превращал биографику В.Ф. Ходасевича в «особый тип гуманитарного знания» (А.Л. Валевский) [7, с. 32–68], позволяющего обнаружить концептуальные ориентиры аксиологической системы эпохи.

Именно личность как квинтэссенция времени, как многогранное явление, включающее самостоятельность и ответственность, являлась главным объектом изучения В.Ф. Ходасевича. Современный научный аппарат дает следующее определение личности: «Личность можно определить как категорию, фокусирующую внимание на человеке в качестве самостоятельного и ответственного субъекта, как категорию ценностную, измеряющую досто-

инство человека мерой осуществленной в нем личной свободы и <...> ответственности» [12, с. 15]. Именно эти параметры обнаруживаются в концептуальных взглядах В.Ф. Ходасевича на творческую личность, в первую очередь – на личность А. Белого. Личность в ореоле эпохи – главный объект внимания Ходасевича-биографа. Он писал: «Исследуемый автор (или даже произведение) предстает в окружении. Возрастает для нас и прелесть произведения, ибо она всегда прямо пропорциональна объему понимания. Больше того: улучшается качество понимания. Вернее сказать: понимание обращается на предмет более обширный. <...> Нам открывается не только творимое, но и творчество» [23, с. 544]. И добавлял: «сеть не распутаешь, пока, кроме книг, не прочтешь самых жизней» (Там же, с. 545).

Современный исследователь считает, что «символизм с самого начала не желал ощущать себя литературным направлением» [10, с. 3]. Однако именно В.Ф. Ходасевич стал одним из первых исследователей символизма как масштабного культурообразующего проекта, способного соединить и преобразовать весь накопленный художественный опыт, а главное – наметить позитивные перспективы развития литературы и культуры в целом. В.Ф. Ходасевич в интервью Н. Городецкой говорил о значимости символизма и его связях с реализмом: «Символизм и есть истинный реализм. И Андрей Белый, и Блок говорили о ведомой им стихии. Несомненно, если мы сегодня научились говорить о нереальных реальностях, самых реальных в действительности, то благодаря символистам» (Возрождение. 1931. 22 янв.). Показательно, что имя Андрея Белого упомянуто первым, и это отражает ту значимость, которую личности Белого придавал В.Ф. Ходасевич в истории развития символизма. При этом высказывание В.Ф. Ходасевича практически продолжает ранее высказанную идею самого А. Белого: «Символизм и реализм – два методологических приема в искусстве<...> Истинный символизм совпадает с истинным реализмом» [4, с. 372]. Масштабное, над-литературное видение символизма являлось важнейшим компонентом формирования творческой личности А. Белого. «Белый поставил перед собой гигантскую задачу, – писал Л.К. Долгополов, – не только доказать, но и показать, что один лишь символизм способен в эту бурную и катастрофическую эпоху дать образцы подлинного искусства» [1, с. 30]. Осознание большой значимости лич-

ности А. Белого как инициатора символистического жизнепреобразования – доминанта в концепции В.Ф. Ходасевича.

В «классическом» определении В.Ф. Ходасевича, содержащем утверждение, что «символизм порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла вся его история» [23, с. 270], раскрывается еще одна черта творческой личности А. Белого – ее незавершенность, открытость. Непрерывающийся диалог как форма развития литературного направления – таким виделся Ходасевичу символизм сквозь призму творчества А. Белого; диалог, не прекращающийся даже на смертном одре.

Символизм для А. Белого, с точки зрения В.Ф. Ходасевича, не только литературное направление, это философия жизни. Связанность «образов-символов», при которой осуществляется, по мнению Вяч. Вс. Иванова, «возможность соединения разных символов-образов и единство каждого из них» [1, с. 340], вылилась у А. Белого в соединенность теоретического и художественного, что столь актуально было для самого В.Ф. Ходасевича. Теоретический трактат А. Белого «Символизм», законченный в 1910 г., такое же художественное произведение, как и его романы. Отказ от границ теории и художественной практики как опыт отрицания границ в метафизическом масштабе – важная черта творческой личности Белого, по В.Ф. Ходасевичу. Мало того, безграничность символизма придавала ему вселенскую масштабность, или, по определению Е.В. Ермиловой, «все отчетливее выясняется “вечный символизм” всякого искусства» [10, с. 7].

В.Ф. Ходасевич продолжил традицию теоретической симвонологии, заложенной А. Белым, но уже без крайностей и радикализма выводов последнего. Тем самым теоретические построения неумолимо вливаются в творческий поток и определяют параметры личности символиста в целом и личности А. Белого в частности. Возникновение неразрушимого единства между теоретическими представлениями о символе и его художественным воплощением (ведь «символом и его границами надо считать законченное высказывание, образное целое всего стихотворения, развернувшееся в нем внутреннее событие» [13, с. 28]) и есть еще одна доминирующая позиция в личностных характеристиках В.Ф. Ходасевича.

По мнению В.Ф. Ходасевича, Белый в процессе развития своей творческой личности проходит путь от «синтетизма» к «символизму»; в этом, видимо, и заключается глубинное содержание метафоры «путь зерна». Сам А. Белый формулировал этот путь так: «Мой знак – “символ” есть лишь знак – предохранитель; и значит он: “не идите путем исхоженным, путем синтезов, ведущих лишь к общим понятиям и общим обществам”» [4, с. 471].

Для В.Ф. Ходасевича было важно, что в сложнейшем симбиозе понятийных определений символизма А. Белый стремился обрести свое подлинное имя, ведь символ определяется в том числе как «имя для новых ситуаций» [19, с. 134]. В обретении этого имени, своеобразном эстетическом «крещении» принимал непосредственное и живейшее участие В.Ф. Ходасевич. Здесь уместны слова П. Флоренского: «Право на символотворчество принадлежит лишь тому, кто трезвенной мыслью и жезлом железным пасет творимые образы на жизненных пажитях своего духа» [21]. Был ли таким Андрей Белый, сказать трудно, но точно желал быть таким, а главное, его желал видеть таким В.Ф. Ходасевич, несмотря на все сложности межличностных отношений.

Литература

1. Андрей Белый: проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации: сб. М. : Сов. писатель, 1988.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994.
5. Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966.
6. Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М., 1994.
7. Валицкий А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: биографический альманах. М. – СПб., 1995. Вып. 6.
8. Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1997.
9. Дымшиц А. Звенья памяти: портреты и зарисовки. М., 1968.
10. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М. : Наука, 1989.
11. Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического прото-нарратива // История и повествование. М. : НЛЮ, 2006.

12. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М. : Изд-во МГУ, 1990.

13. Колобаева Л.А. Русский символизм. М. : Изд-во МГУ, 2000.

14. Лавров А.В. «Сантиментальные стихи» Владислава Ходасевича и Андрея Белого // Андрей Белый. Разыскания и этюды / А.В. Лавров. М. : НЛЮ, 2007.

15. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Избранные статьи. Таллинн : Александра, 1992.

16. Мазаева О.Г. К вопросу о ракурсе рассмотрения А. Белого Ф. А. Степуном // Вестн. Том. гос. ун-та, 2008. №1(2).

17. Рейнтблат А. Нравственные мотивации биографа // Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса : сб. М., 2004.

18. Розенблюм О. Каналы опыта и структура переживаний в «нормативной биографии» // 5-е чтения памяти В. Иофе. Право на имя. Биография 20-го в. Эпоха и личность: ракурсы понимания : сб. СПб., 2007.

19. Смирнов А. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.

20. Степун Ф.А. Памяти Андрея Белого // Встречи / Ф. Степун. 2-е изд. Нью-Йорк : Т-во зарубеж. писателей, 1968.

21. Флоренский П.А. Сочинения. М. : Правда, 1990. Т.2.

22. Ходасевич В.Ф. Державин. М. : Книга, 1988.

23. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: избранное. М. : Сов. писатель, 1991.

24. Хьюз Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений // Вестн. Русского христианского движения. 1987. № 151.

25. Черкасов В.А. Державин и его современники глазами Ходасевича : моногр. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2009.

Parameters of personality conception of Andrei Bely in the comprehension of V.F.Khodasevich

There are given the main propositions of the personality conception of Andrei Bely in the constructs of V.F.Khodasevich. As the basis of his conceptual position in A.Bely's personal assessments, there is put the original methodical principle, marked as "empathic", i.e. supposing the maximum approaching of the existential experience of the biographer's position and the investigated writer.

Key words: *A.Bely, V.Khodasevich, symbolism, the Silver Age.*

Д.Ш. ХАННАНОВА
(Исков)

РОЛЬ МОТИВА ЕДЫ ПРИ РАСКРЫТИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ/ЧУЖОЕ» В ЛИРИКЕ В.В. МАЯКОВСКОГО 20-х годов

Представлена часть исследования, направленного на выявление особенностей мифопоэтической картины мира В.В. Маяковского. Рассмотрение развития мотива еды высвечивает своеобразие вертикальной и горизонтальной мифологических моделей в лирике поэта.

Ключевые слова: *мифологическая модель мира, «свой» мир, «чужой» мир, мотив еды, мотивный комплекс «обжорство (людоедство)/голод», мотив наказания за неводержанность в еде, мотив несъедобной пищи.*

«Поэтическая мифология» Маяковского, лежащая в основе «единства и неделимости» его художественного мира [6, с. 144–145], совмещает в себе вертикальную и горизонтальную мифологические модели. В ранней лирике поэта находит отражение система двоичных противопоставлений «верх / низ» или «земля / небо» («подземное царство / небо») в рамках вертикальной модели. Если в дооктябрьском творчестве Маяковского все окружающее (природа, город, толпа) осознается лирическим героем как враждебное, чуждое, то в 1920-е гг. в пределах горизонтальной модели мироздания представление о враждебности переносится на область политических и социальных отношений и проявляется через оппозицию «свое / чужое». Под «своим» теперь понимается Советская Россия, расположенная в центре мироздания, включая ее население – рабочих и крестьян («Стихи о советском паспорте», «Город и деревня одной и той же коммуны равные части»). Природа выступает в поздней лирике как органическая часть благоустроенного и непрерывно развивающегося «своего» мира. Возникает образ земли, которая воспринимается как общий дом советских людей, их родное гнездо [3, с. 48]; солнце отождествляется со счастливой жизнью будущих поколений. В то же время положение молодого государства уяз-